

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Вавилоне в VI–V веке до н. э. использовались аккадский и арамейский языки. Однако автором было принято решение брать устоявшиеся в русской традиции имена правителей и названия, взятые из греческих и библейских источников, потому что церемониальные имена царей строились по нескольким однообразным схемам, например: Нергал-шар-уцур (Нериглисар) и Бел-шар-уцур (Валтасар) — «Нергал/Бел, храни царя». Такое сходство не несло бы художественного смысла и визуально могло путать читателей. Там, где нет устоявшейся традиции, брались аккадские транскрипции.

Там, где в родственных связях есть сомнения, автор выбирал варианты, которые лучше работали на художественность и стройность сюжета. Например, доподлинно неизвестно, которая из дочерей Навуходоносора была женой Набонида и был ли Нериглисар его зятем или сыном. То же самое относится к историческим постройкам и событиям: так, ламассу найдены в ассирийских дворцах,

ПРЕДИСЛОВИЕ

ВЕРБЫ ВАВИЛОНА

а также у современных историков есть сомнения в том, что висячие сады находились в Вавилоне (больше склоняются к Ниневию). Не все источники заслуживают доверия, но автором было принято решение не ставить слова древних историков (например Геродота и Иосифа Флавия) под сомнение и последовать традиции, начатой ими.

Некоторые обычаи и обряды были экстраполированы во времени, так как имеющиеся источники свидетельствуют о существовании обрядов задолго до времени повествования без четких временных рамок. Это может означать, что обряд со временем прекратился или что он продолжался, но свидетельства в источниках не сохранились. Такое положение обуславливается древностью, сложностью проведения работ в местности и зашифрованностью рецептов и обрядов (чтобы скрыть священные знания от посторонних). Один обряд (брак между братом и невестой/вдовой погибшего брата) воссоздан по бытовавшему в то время левиратному праву иудеев, а также по имевшему место индуистскому обряду, описанному в «Махабхарате» примерно в то же время. Также авторским допущением является обычай разрезать тела, для этого периода и региона он не был характерен.

ПОСЛЕДНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ
НОВОБАВИЛОНСКОЙ ДИНАСТИИ

ШЕМХЕТ

НАМТАР

НЕРУД

ЦИННУ

НЕРИГЛИСАР

АМЕЛЬ-МАРДУК

БЕЙ-АСИТУ

НАБУХОДОНОСОР

На рисунке опущены представители, о которых мало сведений и которые не сыграли особой роли в истории или художественном повествовании.

Вымышленные герои расположены на табличках, а на свитках — существовавшие.

Глава 1

ЦАРЬ ПИРУЕТ С БОГАМИ

Смерть — всего лишь прямое следствие любви. Так думала Шемхет, вторая жрица Эрешкигаль, третья дочь Амель-Мардука, царя Вавилонского.

Так думала она, а руки привычно обмывали мертвеца. Он был статный, хорошо сложенный, с бронзовой кожей, которая, должно быть, так и сверкала на солнце. И молодой — примерно как Шемхет.

Рядом, на втором столе для обмываний, лежала обнаженная женщина. Тоже очень молодая и очень красивая. Некоторое время назад Шемхет расчесала ее спутанные кудрявые волосы, но не стала убирать в прическу, и они распались густой черной волной, доставая до земли.

Оба очень красивые. Только мертвые.

Они были любовниками, и ее муж уличил изменников, предусмотрительно придя вместе с тремя достойными мужчинами города. Три свидетеля — все по суду, все по закону.

Муж мог простить жену, но тогда и царь по закону простил бы прелюбодея и не назначил ему никакого наказания. Муж мог выбрать казнь, и тогда обоих преступников связали бы и бросили в воды Евфрата. Одна доля выпадала уличенным любовникам: или свобода, или смерть.

И теперь Шемхет, жрица богини смерти, готовила их к погребению. У него она ничего не хотела спрашивать. А у нее...

— Это стоило того? — Мягкий голос Шемхет пронесся по погребальному залу.

Но мертвая, конечно, молчала. Глаза у нее приоткрылись, и казалось, что она подглядывает. Шемхет их снова закрыла. На лицах казненных любовников не было отпечатка перенесенных страданий — как будто они просто уснули в объятьях друг друга. Она и он.

Прошлой ночью Шемхет снился сон о том, как она идет по широким городским стенам Вавилона, а там, внизу, идет мертвец (она откуда-то знала, что это мертвец) и смотрит на нее, и чего-то от нее хочет. Утром она спустилась в мертвецкую посмотреть, нет ли в ней чего-то необычного. Но необычного не было. Только пара казненных любовников — такое случалось, не очень часто, но случалось. А сны Шемхет всегда были только снами.

Шемхет отерла руки особым полотенцем и бросила его в корзину.

Выйдя из полуподвального помещения, в котором жрицы работали с телами, она прошла по внутреннему двору и вошла в предзал* храма Эрешкигаль. Там она долго водила руками над тлеющим очагом, чтобы стереть прикосновение к мертвецам. Очищенная, она вышла

* Помещение в передней части вавилонского храма или дома, отделенное от основного проемом или дверьми. Переходное пространство, аналогичное притвору в христианских церквях или пронаосу в античных храмах.

из Дома Праха — так называли весь храмовый комплекс в народе — и, запахнув поплотнее черную накидку, отправилась в царский дворец.

Проснувшийся, по-утреннему деловой город шумел, галдел, жил. Шемхет могла закружиться, затеряться в водовороте людей, торопившихся успеть все до начала дневной жары, но ей, жрице Эрешкигаль, уступали дорогу. Она слышала от других, что Вавилон огромен: все пришлые говорили, что им становилось плохо от таких огромных площадей, от такого количества людей; что им казалось, будто они попали в утробу чудовища, которое их переварит. Но для Шемхет все это было данностью и не тревожило. Она всегда жила в городе, никогда не покидала его и сейчас шла бестрепетно и гордо.

Стражники у ворот дворца, «города-в-городе», ничего не сказали ей, когда она прошла мимо. Они хорошо ее знали. А она их не запоминала.

После стражников Шемхет встретили статуи ламассу, и она замерла на мгновение, как замирала перед ними всегда. Львиные тела, лошадиные копыта, орлиные крылья. Человеческие лица. Злые, надменные, гордые, надмирные. Лица ламассу всегда напоминали Шемхет деда.

О Навуходоносор, сын Набопаласара, царь царей, властелин земли между двух рек! Шемхет боялась его, пока он был жив, и полюбила его, когда он умер. Все боялись его, покуда он был жив, но немногие полюбили его после смерти.

Шемхет коснулась постамента, на котором стоял левый ламассу — она всегда так делала, возвращаясь домой. Это было ее тайным знаком принадлежности, любви, родства. Ламассу хранили Вавилон, дворец и царский род.

Пройдя широкие ворота, Шемхет оказалась на большой дворцовой площади. Здесь тоже было людно, но обитатели и гости дворца выглядели куда богаче

и двигались куда медленнее. Площадь, выложенная желтым кирпичом, была так широка, что пять колесниц, запряженных шестеркой лошадей, могли спокойно разехаться на ней. По краям сплошной стеной шли дворцовые помещения. На стенах были выбиты изречения из древних легенд, рассказы о деяниях царей древности. С математической стройностью цепочки клинописи прерывались дверными проемами и барельефами, изображавшими добрых духов, царей и героев. Шемхет миновала огромный, подобный горе зиккурат*, золотые храмы и вышла прямо ко дворцу.

Другая пара ламассу встретила ее у входа во дворец: у этих и ноги были львиные. Они уже не походили на деда — были куда старше него, и лица их были добрее. Вероятно, их лепили с другого вавилонского царя. Может быть, многие тысячелетия назад, с какого-то из тех царей времен до Великого потопа, что жили по пять сотен лет. Может быть, с того царя, который некогда основал Вавилон...

Шемхет прошла длинным кирпичным коридором, изредка кивая то одному, то другому знакомому. Равные по рангу отвечали ей такими же кивками, те, что стояли выше — лишь слегка наклоняли головы. Шемхет это не тревожило. Таков был порядок мира.

— Шемхет! — позвал ее густой голос, и она дернулась, словно против воли. Развернулась, потянулась к этому голосу, как цветок к солнцу.

Аран стоял в арке, ведущей в соседний коридор. Он был высок, широкоплеч и заслонял собой почти весь проем. Длинные густые волосы он заплетал так, чтобы они не падали на лицо.

* Большой и главный в городе храмовый комплекс, одно из самых высоких зданий, в котором, как правило, находилось святилище главного божества, а также обсерватория и ряд других ритуальных помещений.

Шемхет быстро двинулась к нему, однако остановилась, не дойдя пары шагов.

— Мне не сказали... — начала она удивительно тонко и тотчас поправилась, следя за тем, чтобы голос звучал твердо. — Я не слышала, что вы вернулись из похода.

— Ночью вернулись, — сказал Аран. — но остальные сегодня отдыхают. Спят. А я...

— А ты пришел повидать своего отца, — закончила за него Шемхет.

— И тебя.

Он поманил ее, и она пошла. Миновав длинную череду комнат, они вышли к саду. Не сговариваясь, сели на низенькую скамейку возле высокой финиковой пальмы. Шемхет почувствовала, что улыбается, и прикусила щеку изнутри. Но Аран, кажется, понял все, что она хотела от него скрыть.

— Мы изгнали кочевников и привели в заложники отца их вождя.

— Я рада, что ты цел, — сказала Шемхет, напряженно вглядываясь в него, словно желая проверить: правда ли это, невредим ли?

— Мы привели несколько десятков рабов. И все-таки я боюсь, что набеги будут продолжаться. Мы рассчитывали встретить куда более серьезное сопротивление. Думаю, они не показали всей своей силы, а просто ушли в горы. Мы не знали троп и никого не нашли, прошли по горам маршем... Бессмысленно.

— Что говорит твой отец? Наверняка у царского советника есть много мыслей по этому поводу.

— Я... — Аран вдруг запнулся, — я еще не видел его. Ни его, ни бабку. Я хотел сначала поговорить с тобой.

Едва он закончил, Шемхет вскочила со скамьи. Аран проворно схватил ее за рукав туники, но почти сразу же, смутившись, отпустил.

— Мы говорили с тобой об этом раньше, — сказала Шемхет, и голос у нее опять стал тонким.

— Я вернулся из долгого похода. Твой отец знает теперь, что я верен ему, что я искусен в обращении с оружием и могу выдерживать долгие месяцы лишения, лить кровь и умереть во славу Вавилона. Теперь и ты это знаешь.

— Я знала это всегда, — резко ответила Шемхет.

Аран встал.

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Ты хочешь сказать: жрицы Эрешкигаль не выходят замуж. Но жрицы Иштар выходят! У жрецов Мардука большие семьи. И потом, так было не всегда. Отец сказал, что видел таблички, очень старые, о разделе земли между детьми одной из жриц богини смерти...

— Я не слышала о таком, — сказала Шемхет. Она замерла вполборота, застигнутая врасплох его словами.

— Теперь государь не будет против. Если и будет, отец сумеет его убедить. К тому же сама пресветлая госпожа Эрешкигаль — она замужем, у нее есть Нергал. И, говорят, они любят друг друга куда нежнее, чем все остальные боги...

— Не надо! — вдруг попросила Шемхет надломлено, и этот тон его остановил.

Было видно, что он составлял свою речь по частям, что он подбирал слова и доводы, что он долго повторял их у себя в голове. Но просьба Шемхет перебила его желание, и он замолчал.

Шемхет подумала, что только за это можно его любить, но постаралась скорее отбросить эту мысль.

— Мне нужно идти, — продолжила она. — У меня сегодня много дел. Вечером царь пирует с богами.

— Когда я увижу тебя? — спросил резко Аран.

— Не знаю пока.

— Шемхет...

— Я правда не знаю, когда еще приду во дворец.
— Нашим отрядом пополняют охрану дворца. Я сегодня стою во вторую ночную стражу. Завтра утром я могу прийти в храм...

— Нет, — перебила быстро Шемхет.

— В этом нет ничего постыдного. Никто не подумает об этом дурно.

— Не надо. Я сама тебя найду. Обещай, что не придешь.

Он буравил ее взглядом, но потом сказал:

— Хорошо.

— До встречи.

— До встречи.

Шемхет плавно отвернулась и пошла прочь, сосредоточившись на том, чтобы держать спину ровно и не оглядываться.

Слова Арана, как и всегда, взволновали ее, но она постаралась скорее выкинуть их из головы. Знала: если будет слишком долго думать о них, то станет только больнее.

Шемхет, вторая жрица, должна будет сегодня на царском пиру с богами проводить обряд, который обычно совершала только первая жрица. Но Убартум — старая, умная, с косящим глазом — была третий день как сильно больна. Вчерашним вечером, схватив Шемхет не постарчески сильной горячей рукой, Убартум притянула ее к себе и лихорадочно прошептала на ухо, что следует сделать. А может, это демон лихорадки шептал вместо нее.

Шемхет повторила слова Убартум несколько раз, пытаясь их запомнить, но так и не запомнила всего. Можно было спросить первую жрицу еще раз, сегодня, но она раскалилась, металась по кровати, войдя в пик болезни, и Шемхет боялась, что она расскажет не то, что нужно, а то, что подскажет демон, спутавший сознание Убартум.

Когда Шемхет пришла в жреческую, то обнаружила, что не привезли белых цветов для праздника. Красные были, а белые — нет. Но красные годились только для Иштар, для крови, проливаемой на поле брани или ложе любви, но не для холодной бледности умерших. Шемхет до боли закусил ладонь: она впервые будет на пиру, это большая честь и ответственность. И вот — нет белых цветов!

Шемхет обернулась к служанкам и рабыням, стоявшим у дверей, велела им нести цветы. Девушки проворно разбежались по дворцу — они привыкли к гневным приказам. Но ярость Шемхет была сродни скорпионьей: она ударила только саму себя — снова укусила свою ладонь. Потом занялась другими делами: проверила масла, приборы, священную воду, сухие травы...

Вдруг распахнулись двери — широко, служанки и рабыни так не ходили, — и в них показались две молодые женщины с охапками белых лилий в руках. Это были сестры Шемхет, царевны Неруд и Инну.

Неруд была красавицей, о нежных глазах которой хотелось слагать песни. Инну была уродливой и всегда ходила под покрывалом.

Инну была умна, а Неруд — добра.

Шемхет любила обеих.

Сейчас они встали в дверях и заговорили, почти перебивая друг друга:

— Нам сказали, что допустили ужасную ошибку... Красные цветы вместо белых... Мы растили их для Праздника начала года, но к тому времени что-нибудь придумаем... Возьми.

Сестры держали цветы так, как обычно держат младенцев.

Шемхет хлопнула в ладони — от радости, потом по столу — кладите сюда!

Сестры завалили стол цветами, мимолетно обняли Шемхет, и Неруд лукаво сказала:

— Раз уж сегодня такой занятой день, так и быть, не будем отнимать твое время. Но ты должна к нам прийти!

Инну добавила:

— Через три дня.

— Почему через три? — спросила Неруд.

— После Пира ей нужно будет выспаться, набраться сил. Потом доделать то, что она отложила ради него. Так что не раньше, чем через пару дней. Так, Шемхет?

— Обещаю, — ответила ласково Шемхет, — через три дня я буду вся ваша.

Сестры вновь быстро обняли ее и вышли из комнаты.

Целый день вместе с другими жрецами Шемхет провозилась с приготовлениями к Пиру, и когда наступил вечер, все было готово.

Восемь железных статуй сидели у длинного, богато уставленного стола.

Восемь главных богов Вавилона.

Восемь ненасытных утроб.

Восемь отверстых пастей.

Восемь пар голодных глаз.

И один царь.

Восемь жрецов со скрытыми лицами, с ладонями в перчатках, стояли за статуями, словно черные тени.

Сначала было тихо. Потом раздалась музыка — заиграли музыканты на балконе, скрытые занавесью, и казалось, что мелодия лилась с небес.

Вошел Амель-Мардук, в золотом и алом. В его длинные черные волосы тоже было вплетено золото. Шемхет глядела на царя во все глаза — она редко видела отца так близко и так долго. Она была похожа на него. Да, похожа больше, чем сестры: как будто суть Амель-Мардука

расплавили и отлили в женской форме. Шемхет жадно всматривалась в его черты, находила в них себя, и ее волновало это сходство.

Но чем больше она смотрела, тем сильнее ей хотелось найти черты, которых не было у Амель-Мардука. В чуждых ему чертах можно было отыскать мать — рабыню, которой Шемхет не знала, потому что та умерла, когда девочке было всего три года. Никаких изображений не осталось, и о ней мало говорили при дворе. Шемхет думала, что если из своих черт она вычтет черты отца, то мать, прозрачная, бледная, встанет перед ней. И дочь наконец узнает ее, и в дочерней памяти мать проживет долгие, долгие годы, которые в действительности она не прожила.

Надежды Шемхет были тщетны: она никак не могла найти черт, отличных от черт отца. Она была его копией. Но то грубое, угрюмое, тяжеловесное, что хорошо для царя, — плохо для молодой девушки. Впрочем, форму им обоим давал ранг: алое и золотое царское платье, черный жреческий наряд. И в этом таилось их различие: если царское платье, как кожу, срезать с Амель-Мардука, то он, аморфный, рухнет. У Шемхет же чернота так проросла в самую ее суть, что срезать жреческое платье было почти невозможно, и в любом случае она осталась бы стоять.

Шемхет глядела на царя и не опускала глаз: скрывая, как все жрецы, черным покрывалом, она знала, что взгляд ее невидим.

Амель-Мардук обошел стол посолонь*, встал у трона и сказал громко:

— Вы явились на мой пир желанными и званными и этим оказали мне великую честь. Все лучшее, что есть у меня, со смирением вам предлагаю.

* Направление движения по кругу, который описывает солнце, по часовой стрелке. Ритуальное движение, свойственное многим культурам.

В ногах у каждого железного истукана были сложены дрова. Как только прозвучали последние слова царя, жрецы запалили огонь. Восемь статуй начали раскаляться.

Жрецы обошли их по кругу и встали близ ртов, от которых уже повалил дым. Жар пахнул на них, но они, привычные, не дрогнули.

— О Мардук, — сказал царь, — царь царей. Податель жизни, устроитель законов, судья божественный и небесный. Род мой укрепи! Мудростью меня своей наполни!

Жрец Мардука бросил в пасть своего бога пучок разноцветных сухих трав. Огонь вспыхнул ярче, и повалил белый пахучий дым.

— О Шамаш, — сказал царь, — солнце трижды светлое. Золотым светом силы своей ладони мои наполни.

Жрец Шамаша бросил в пасть своего бога что-то, уже горевшее синим пламенем.

— О Син, — сказал царь, — лунным ликом сверкающий. Ночи города моего сотвори.

Жрец Сина достал ложечкой из серебряной шкатулки и бросил в пасть своего бога маленький кусок прыгающего металла.

— О Энлиль, — сказал царь, — воды податель, крови повелитель. Влагой своей город мой напои.

Жрец Энлиля бросил в горнило своего бога пучок желтых трав.

— О Адад, — сказал царь, — ветров государь, гневный владыка грозы. Силу молний твоих в руки мои вложи.

Жрец Адада бросил в горнило своего бога черные сухие семена.

— О Иштар, — сказал царь, — царица войны. Та, чьи бедра подобны гранату и цвету лотоса. Та, что огненным вином ярости и любви нас наполняет. Руку мою в бою укрепи. На любовном ложе сыновей мне даруй.

Жрица Иштар бросила в пасть богини красный цветок и алое полено.

— О Энки, — сказал царь, — владыка недр и владыка звезд, небесный строитель, земляной зодчий. Здания града нашего укрепил.

Жрец Энки кинул в горнило своего бога пригоршню черного порошка.

— О Нергал, — сказал царь, — смерть приносящий, внезапный убийца. Гневом своим народ мой обойди.

Жрец Нергала брызнул в пасть своего бога жидкое черное масло, и огонь полыхнул с невиданной силой.

— О Эрешкигаль, — сказал царь, — пресветлая госпожа темного царства. Ты, что держишь при себе всех великих царей древности, всех воинов и всех жрецов. О быстротечности жизни мне напомни.

Шемхет бросила в пасть богини белый цветок и сухие травы. Она глотнула дыма, вырвавшегося из статуи, и ей показалось, что она опьянела.

Яростные вихри дыма летели к высокому потолку, складывались в безумные, злые тени, которые метались где-то под сводом и глядели на восьмерых богов и одного человека.

Жрецы брали со стола выточенную из дерева пищу и бросали ее в огненные недра богов. От них шел жар, раскаленный и сухой, и Шемхет чувствовала, как плывет, тонет в этом огненном мареве. Она взглянула на отца — царь был бледен и вцепился пальцами в подлокотники своего трона.

— Это хороший пир, — вдруг сказал кто-то ее губами, — но я все равно голодна. Скоро мои черные чертоги вновь пополнятся тысячами призрачных душ, что будут плакать, стенать о своей земной жизни и никогда не утешатся.

Шемхет прижала руку к губам — они заболели, пошли трещинами, словно она долго шла по пустыне без воды, словно она приложилась ртом к раскаленному металлу.

Это она говорила губами Шемхет: пресветлая госпожа Эрешкигаль.

— Берегись, царь Вавилона, — произнес жрец Нергала, но казалось, что голос, низкий и гулкий, исходит от статуи, — ибо впереди тебя я вижу тень смерти, и тень эта куда больше твоей. Мы встретимся с тобой, царь, раньше, чем ты думаешь.

Шемхет, охваченная ужасом, опять взглянула на отца — он стал еще бледнее, и на лбу его выступили капли пота.

Жрецы снова бросили по пучку трав в огонь, и дым стал более едким, сладким, тяжелым.

— Не предавайся скорби, сын великого царя, — сказала жрица Иштар голосом медовым и железным. — Вспомни то, что ты забыл, — и я укрою тебя краем своего плаща. Чти меня, верни мне мое — и я дарю тебе победу в схватках военных и любовных.

У Шемхет кружилась голова. Она думала, что упадет, но не падала — что-то изнутри ее держало.

И в третий раз жрецы бросили травы в огонь.

Дым заполнял все пространство, ничего уже не было видно, но слова жреца Мардука прозвучали ясно и громко. Шемхет многое бы отдала, чтобы только не слышать их, не запомнить их. Но они будто вошли в тело и спрятались под кожей, разрослись по всем ее внутренностям.

— Берегись, царь Вавилонский. Колесница Вавилона застыла над пропастью, и, если она падет туда, то ничто не спасет тебя, царь, твой Вавилон и твой народ. Берегись, царь. Спи, бодрствуя вполглаза. Соверши невозможное, царь, иначе ничто не спасет тебя — и нас.

Амель-Мардук поднялся, тяжело опираясь руками на стол.

Лицо у него было дикое. И он сказал:

— Спасибо, что были гостями на моем пиру.

И слабым показался человеческий голос по сравнению с божественными.

Шемхет вернулась в Дом Праха поздно вечером. Устало стянула ритуальный наряд, пропахший потом и сладким дымом, переделась в чистое, умылась. Она чувствовала большую опустошенность. Шемхет все думала над словами людей, которых повстречала сегодня, над тем, кого она встретила и что услышала.

Была уже почти ночь, когда она спустилась вниз, в мертвецкую. Там лежали два тела — мужское и женское. Зрение ненадолго изменило Шемхет, и ей показалось, что это те утопленники, которых она обмывала рано утром. Как давно это было!

Но то были не они, а старик со старухой. Высокие, должно быть, когда-то красивые, но теперь совсем седые и высохшие. Время было уже позднее, готовить их к погребению лучше завтра, но Шемхет, движимая интересом, подошла ближе и вспомнила, что ей говорили о них. Это были муж и жена, умершие от болезни: он — ночью, а она дождалась рассвета. Жене не сказали, что он умер. Говорили, ему лучше, и он к ней сейчас придет. Всю ночь она верила, а к утру потеряла веру — и умерла. Легко, словно выпустила птицу в небо.

Шемхет подумала, что ошиблась: не смерть есть следствие любви, а любовь есть защита от смерти.

Шемхет немного постояла над телами, а потом вышла. Пылинки танцевали в лунном свете за ее спиной.

Она вышла и не видела, как дрогнула рука старика, как дрогнула рука старухи, как обе мертвые руки пали с мертвецких столов, нашарили друг друга в темноте — холод к холоду. Переплелись пальцами, да так и окостенели.

Поутру разнять не смогли. Пришлось разрезать.